

ОТЗЫВ

на автореферат диссертации Е.А. Ростовцева
«Санкт-Петербургский университет в контексте социально-политической истории России (1884–1917)», представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат диссертации Евгения Анатольевича Ростовцева отражает содержание двухтомного исследования по истории Санкт-Петербургского университета. Приходится дивиться не только масштабом проделанной работы и фактологической роскошью диссертации, но и умением Евгения Анатольевича втиснуть ее результаты в конспективную форму автореферата. Прежде всего, поражает количество и разнообразие привлекаемых источников, как опубликованных, так и покоящихся в архивах, позволяющих реконструировать историю университета: нормативных актов и делопроизводственной документации, внутренних университетских документов (протоколов Совета, служебных и формулярных списков, обзрений преподавания наук и т. п.), мемуаров, дневников и писем, публицистики и работ по историографии проблемы. Способность за скупыми данными юридических документов и министерских приказов, регламентированным содержанием служебных формуляров, субъективными оценками воспоминаний и биографическим сором эпистолярного наследия увидеть, если воспользоваться терминологией Л.П. Карсавина, иерархически структурированную историческую индивидуальность, – является высшим исследовательским даром историка. Для Ростовцева такой исторической индивидуальностью стал Санкт-Петербургский университет.

Тема диссертации Ростовцева одновременно является и узкой, и широкой. Узкой, поскольку ограничивается историей только Санкт-Петербургского университета и охватывает лишь три десятилетия на рубеже XIX–XX вв. Широкой, потому что ставит вопросы об отношении власти и науки, о положении «ученого сословия» в обществе, об условиях существования университетской корпорации. Основной вопрос диссертации Ростовцева можно сформулировать вполне по-кантовски: как возможен тот социальный институт, каким является университет? Правда, вместо, казалось бы, очевидного социологического ответа на него, диссертант выбирает исторический подход: раскрывает конкретные условия времени, исторические обстоятельства и социальные процессы, в которые встраивался и в которых существовал университет. Реконструкция подвергается не только фактическая, но и смысловая сторона истории университета: анализируются ценностные установки той социальной группы, к которой принадлежали преподаватели университета, разделяемые ими идеи и идеалы, во многом формирующие групповое сознание и определяющие корпоративную солидарность, вскрывается мотивация поведения людей и т. п. В результате исследование проводится на нескольких уровнях: биографическом, институциональном, социально-историческом, историко-политическом. Евгений Анатольевич прекрасно показывает, как университет в качестве исторической индивидуальности «умалаялся» в таких «низших» индивидуальностях, как факультеты, кафедры, лаборатории, научные и студенческие общества, конкретные индивиды. В то же время, в университете проявляются или «качествуют» такие высшие индивидуальности, как российское общество и институты политической власти. Все это позволяет продуктивно соединить в одном исследовании социально-политическую историю России рубежа XIX–XX вв., институциональную историю, историю повседневности и историю ментальности.

Как известно, особенностью постижения прошлого является его недоступность непосредственному наблюдению. Конечно, Евгений Анатольевич не являлся свидетелем изучаемых им событий, но он принадлежит той же корпорации, историком которой выступает. Это несколько осложняет его исследовательскую позицию. Диссертация Ростовцева представляет собой взгляд на историю университета изнутри самого университета. Историческая рефлексия, предпринятая Евгением Анатольевичем, позволяет воспроизвести «патерналистскую модель», на которую ориентировался Императорский Санкт-Петербургский университет в XIX в., его структуру в качестве социального института («старшие» и «младшие» преподаватели, студенты и т. д.). Патерналистская модель отношений, воплощенная в университете, которую Евгений Анатольевич сумел прекрасно показать на богатом историческом материале, вероятно, подтолкнула его и к главному конструктивному результату исследования – созданию серии «коллективных биографий» университетских факультетов. Надо заметить, что биография – наиболее архитипический исторический жанр. Он позволяет свести многообразие фактов, событий и биографических данных в концептуальное единство – историческую индивидуальность. Автореферат диссертации дает представление и о «коллективной биографии» университета в целом. Здесь мы имеем дело с тем случаем, когда теоретико-методологический концепт («коллективная биография») не только «задает» или, по словам А.С. Лаппо-Данилевского, «построяет» историческую действительность, но и сам эксплицируется из содержания привлекаемых источников. Теоретико-методологическая конструкция, позволяющая адекватно описывать материал и вскрывать его смыслообразующие, опорные моменты, – большая удача для любого исследователя. Концепция «коллективной

биографии», предложенная Ростовцевым, дает возможность не ограничиваться историей ученой корпорации или схолярными штудиями, но проследить на примере истории Санкт-Петербургского университета социальную историю России целой эпохи.

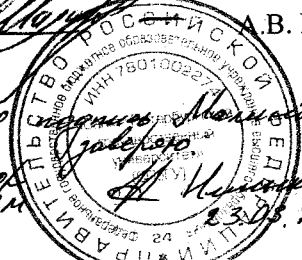
«Коллективная биография», хронологически удачно ограниченная тремя десятилетиями, т. е. охватывающая период, совпадающий с одним «поколением», представляет собой синхронический срез той исторической индивидуальности, которой является Санкт-Петербургский университет. Однако всякая историческая индивидуальность находится в развитии. И Ростовцев очень точно демонстрирует, что же составляло динамическую основу университетской жизни, что же не позволяло университету закоснеть в столь привлекательных для любой корпорации самодовольстве и самолюбовании. Диахронический историзм университета может быть выражен лозунгом: «Борьба за автономию». Не только по форме, но и содержанию он повторяет известную теорию «борьбы за индивидуальность» Н.К. Михайловского. Смыслом существования университета была не наука или воспитание молодежи, а «борьба за автономию», которая, как убедительно показывает Ростовцев, оказалась борьбой за само существование университета как исторической индивидуальности, т. е. самобытного социо-культурного явления. Борьба за автономию университета была борьбой с «высшей» индивидуальностью, стремящейся нивелировать его уникальность. Борьба университета с властью за свою индивидуальность, метонимически обозначаемая как «борьба за автономию», во многом и определяла то политическое, культурное и социальное значение, каким университет обладал в XIX в. и которое ныне утрачено. Эта борьба была университетом проиграна, что объясняет, почему почтенная ученая корпорация из «университетских «мандаринов»» и «привилегированного «ученого сословия»» эволюционировала в пролетариев умственного труда и «одноразовых» преподавателей на годичном контракте. Власть перестала замечать университет и сама закуклилась в той «башне из слоновой кости», которой так дорожил университет еще столетие назад. Телеология современного университета диктуется уже не борьбой за автономию, а гонкой за рейтингами. С этой точки зрения диссертация Ростовцева крайне поучительна и даже актуальна. Она показывает, как совершался этот процесс. Знакомство с исследованием Ростовцева лишь подтверждает Цицероновскую максиму об истории как *magistra vitae*.

Ростовцев достаточно высоко оценивает итоги истории университета, не без основания полагая, что исследуемый период (1884–1917) был его «золотым веком». Отнесение «золотого века» к прошлому лишь усиливает пессимистическое восприятие настоящего. Евгений Анатольевич столь же высоко аттестует корпоративную структуру и корпоративную культуру, которые сложились в Санкт-Петербургском университете к концу XIX в. Расцвету университета способствовала не только «борьба за автономию», но и сформированные механизмы внутренней конкуренции, содействовавшие становлению научных школ, стимулировавшие исследования и, как их следствие, научные достижения, усиливавшие роль университета в становлении гражданского общества в России. Однако из знакомства с авторефератом создается впечатление, что диссертант слишком увлекается корпоративными добродетелями университета, забывая о его корпоративных грехах. Честно признаюсь, я ожидал более критичного взгляда на историю университета. В целом соглашаясь с оценками и выводами Евгения Анатольевича, должен заметить, что в более знакомой мне области – философии – заслуги университета были скромнее. И это при том, что в данный период состав кафедры философии был, пожалуй, наиболее сильным за всю историю Санкт-Петербургского университета. На кафедре философии работали А.И. Введенский, И.И. Лапшин, Н.О. Лосский, С.Л. Франк, С.А. Алексеев-Аскольдов, С.И. Гессен, В.Э. Сеземан и др. В начале 1880-х гг. университет на короткое время даже принял в свои ряды В.С. Соловьёва. Тем не менее, и в это время философия находила более плодотворную почву вне университета. Университет был лишен главного условия для развития философии – свободы мышления. Автономия, которую столь искренне отстаивали университетские профессора, все же означала независимость и самодостаточность, необходимые для сохранения корпоративных привилегий, но не свободу, в том числе свободу научного поиска. Впрочем, без явной позитивной установки в отношении университета и его истории, из которой исходил Евгений Анатольевич, едва ли бы получилось столь замечательное исследование, богатство содержания которого лишь отчасти приоткрывает автореферат.

Надеюсь, члены диссертационного совета по достоинству оценят итог многолетних исследований Е.А. Ростовцева и общий позитивный настрой его диссертации. Также ласкаю себя надеждой, что, оставив в стороне корпоративные интересы, члены диссертационного совета примут столь же положительное решение.

Доктор философских наук,
профессор кафедры русской философии и культуры
Санкт-Петербургского государственного университета

*Документ подготовлен по личной инициативе.
Текст документа размещен в открытом доступе на сайте СПбГУ по адресу
http://lib.ru/ser/avse/serpovst.html.*

А.В. Малинов
Инициалы
Инициалы
по реферату

24
2517